СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

УДК 316.4

Е.С. Богомягова
Санкт-Петербург

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭПИДЕМИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА В КОНТЕКСТЕ COVID-19*

Цитирование: *Богомягова Е.С. Социологический взгляд на эпидемии: актуализация наследия П.А. Сорокина в контексте COVID-19 // Наследие. 2020, № 2(17). – С.187–195.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.12>

Citation: *Bogomiagkova E.S. Sociologicheskij vzglyad na epidemii: aktualizaciya naslediya P.A. Sorokina v kontekste COVID-19 [Sociological view on epidemics: updating P. A. Sorokin's heritage in the context of COVID-19] // Nasledie [Heritage]. 2020, No. 2 (17). – pp.187–195.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.12>

В статье представлен обзор возможностей социологического анализа эпидемий, изложенных П.А. Сорокиным в его малоизвестном труде «Человек и общество в условиях бедствий» (1942). В 2020 г. человечество столкнулось

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А. «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке».

с глобальной пандемией COVID-19, оказавшей значительное влияние не только на здоровье населения, но и на социальный порядок в целом. Сложившаяся ситуация актуализировала необходимость обращения к опыту изучения массовых заболеваний, накопленному в рамках социологии. Творчество П.А. Сорокина является в этом плане уникальным источником данных. Несмотря на то, что, говоря в своей работе о кризисе современности, ученый рассматривает четыре основных бедствия: войну, революцию, голод и эпидемию, аналитически возможно выделить те аспекты, которые относятся непосредственно к массовым заболеваниям. Выявленные П.А. Сорокиным закономерности (закон разнообразия и поляризации воздействий и закон усиления государственного контроля) и сформулированные выводы оказываются удивительно современными и позволяют объяснять процессы, происходящие сегодня – в условиях COVID-19. Рассуждая о влиянии эпидемий на внутренний мир и поведение человека, социальную и культурную организацию, социолог предостерегает от однобокого взгляда на катастрофы и утверждает, что негативные последствия всегда сочетаются с позитивными.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, эпидемия, COVID-19, социологический подход, «Человек и общество в условиях бедствий».

Bogomiagkova E.S. Sociological view on epidemics: updating P. A. Sorokin's heritage in the context of COVID-19

The article presents an overview of the possibilities of sociological analysis of epidemics described by P. A. Sorokin in his little-known work «Man and society in calamity» (1942). In 2020 humanity faced COVID-19 pandemic, which had significant impact not only on the health of the population, but also on the social order. The current situation actualized the need to refer to the experience of studying mass diseases accumulated in the framework of sociology. In this case the work of P. A. Sorokin is a unique source of data. Despite the fact that the scientist in his work, speaking about the crisis of our times, considers four main disasters: war, revolution, famine and epidemic, it is analytically possible to identify those aspects that relate to mass diseases directly. The regularities identified by P. A. Sorokin (the law of diversity and polarization of impacts and the law of strengthening state control) and the conclusions formulated turn out to be surprisingly modern and allow us to explain the processes taking place today in the conditions of COVID-19. Speaking about the impact of epidemics on the inner world and human behavior, social and cultural organization, the sociologist warns against one-sided view of disasters and argues that negative consequences are always combined with positive ones.

Key words: P.A. Sorokin, epidemics, COVID-19, sociological view, «Man and society in calamity».

Как известно, существует два основных источника развития научного знания. Первый обусловлен кризисом познания внутри дисциплины, когда имеющиеся теоретические модели и концепции перестают адекватно объяснять социальные процессы. Второй вызван необходимостью осмысления изменений самой социальной реальности, в результате чего появляются новые темы и даже целые исследовательские области.

Так, студенческие волнения 1968 г. в странах Европы дали толчок формированию предметного поля социологии молодежи и социологии общественных движений. В 2020 г. мировое сообщество столкнулось с вызовами и угрозами, вызванными гло-

бальной пандемией COVID-19. Успехи медицины, достигнутые в лечении инфекционных и вирусных заболеваний в XX в., усыпили бдительность политиков и ученых, поместив масштабные эпидемии, наподобие чумы, брюшного тифа или «испанки», в разряд событий с низкой вероятностью возникновения. Долгое время социальные последствия массовых заболеваний оказывались на периферии социологического взгляда. Однако появление коронавируса продемонстрировало, как хрупок социальный порядок перед лицом новой опасности, и заставило ученых обратиться к осмыслению происходящих трансформаций. Пандемия оказывает влияние не только на здоровье, а соответственно, на индивидов как биологических существ, велико ее воздействие и на социальные отношения и практики, т.е. на индивидов как социальных субъектов. По сути, все мы являемся свидетелями и участниками гигантского критического эксперимента, взламывающего повседневность современного человека и проверяющего на прочность социальные институты.

Не случайно социологи оказались в числе первых, кто стал активно исследовать и осмыслять влияние пандемии COVID-19 на различные аспекты социальной реальности. Спектр проблематики поистине впечатляет. В фокусе внимания ученых оказались и новые формы неравенства и исключения, и преобразование публичных городских пространств, и роль онлайн-коммуникации и цифровых технологий в повседневных практиках различных социальных групп, и вопросы миграции и социальной мобильности, и многое другое. Публикуются специальные выпуски журналов, организуются конференции и круглые столы, посвященные социальным аспектам коронавируса. Особенно остро дискутируются перспективы модификации таких социальных институтов, как образование и здравоохранение.

В этой ситуации особую актуальность приобретает обращение к накопленному в рамках социологии опыту изучения социальных последствий эпидемий. Последовательный систематический интерес к данной проблематике мы находим в наследии П.А. Сорокина. Четыре «монстра» – война, революция, голод и эпидемия – занимали значительное место в творчестве ученого, являвшегося очевидцем двух мировых войн, Великой русской революции и сопутствовавших им социальных катаклизмов. Такое обозначение эти феномены получили благодаря силе их разрушительного воздействия на жизнь отдельного человека и социальный порядок в целом. Анализ голода и революций посвящены специальные работы социолога; многие его идеи рассыпаны по страницам таких работ, как «Кризис нашего времени» (1941), «Листки из русского дневника» (1924), «Социальная и культурная динамика» (1937–1941). Однако наиболее полный анализ четырех указанных катаклизмов содержится в малоизвестной, но от этого не менее актуальной и интересной монографии «Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь», опубликованной в 1942 г., в разгар Второй мировой войны. По мнению В.В. Сапова, эта книга «во-многом носит итоговый характер и содержит в себе резюме почти 25-летних исследований и размышлений автора о социальных катастрофах», в то же время «ее мало цитируют, мало читают, в библиографических перечнях основных трудов социолога она даже не всегда присутствует» [Сапов, 2012, с.5]. Тем оправданное становится обращение к незаслуженно забытому наследию выдающегося ученого.

В России книга была переведена и увидела свет лишь в 2012 г. Вынося неутешительный вердикт современности, Сорокин подчеркивал, что война, революции, голод и эпидемии идут рука об руку и обуславливают друг друга. Опираясь на богатый исторический материал, социолог стремился выявить типические, наиболее характерные черты этих явлений – описать воздействия, которые они оказывают на мышление, поведение, социальную организацию и культурную жизнь испытывающего их населения [Сорокин, 2012, с.13]. Основная задача книги – научиться предотвращать подобные катастрофы в будущем. В результате глубокого, всестороннего анализа Сорокин формулирует ряд закономерностей, регулярно проявляющихся во время всех бедствий. Тогда как в реальности рассматриваемые явления трудно разделить, автор делает это аналитически. К тому же и сам социолог оговаривается, что из всей четверки «монстров» лишь эпидемии могут встречаться независимо от остальных феноменов. Несмотря на то, что выводы ученого одинаково относятся ко всем катаклизмам, мы сконцентрируемся на рассмотрении социальных последствий эпидемий.

В самом начале книги Сорокин формулирует основную закономерность, свойственную всем катастрофам и, в частности, эпидемиям – «закон разнообразия и поляризации воздействий, оказываемых бедствием» [Сорокин, 2012, с.18]. По сути, на протяжении книги он лишь подтверждает проявления выявленной тенденции, обращаясь к многочисленным примерам из социальной и культурной жизни. Суть закономерности сводится к тому, что влияние катастрофы никогда не бывает односторонним и лишь негативным. Сорокин предостерегает ученых о риске такого однобокого рассмотрения. Поскольку индивиды и социальные группы отличаются друг от друга и в биологическом, и в социально-психологическом отношении [Сорокин, 2012, с.18], то влияние эпидемий на них неодинаково, а зачастую и противоположно; они в различной степени испытывают риски и угрозы, вызванные несчастьем. Например, разница в иммунитете детерминирует неодинаковое воздействие заболевания на человека. Но более социологичным является тезис автора о поляризации реакций социальных групп в ответ на бедствие, в результате чего среди населения появляются так называемые святые и грешники. «В одном случае эпидемии ведут к деморализации и безбожию, в другом – к нравственной и религиозной экзальтации» [Сорокин, 2012, с.141], мощные потоки деморализации и безверия сочетаются с моральным героизмом, альтруизмом и самопожертвованием. Подобные тенденции можно наблюдать и в XXI в. в условиях коронавируса: молниеносно возникшее в начале пандемии волонтерское движение, оказывавшее помощь всем нуждающимся и, прежде всего, пожилым, сочетается с COVID-диссидентством и отказом признавать наличие болезни и соблюдать хоть какие-то меры предосторожности. Различия в реакции человека на эпидемию обусловлены, по мнению Сорокина, тремя основными факторами: 1) степенью согласованности его ценностной системы; 2) преобладающими ценностями – материальными либо трансцендентными; 3) укорененностью ценностей не только в идеологии и речи, но и в поведении в целом. Так, люди с хорошо интегрированной системой ценностей, среди которых преобладают идеациональные ценности и «слова которых не расходятся с делом», составляют большинство приверженцев

этико-религиозного движения. Те, чья система ценностей хаотична и в ней доминируют ценности чувственного мира, относятся к противоположному лагерю. Наконец, люди с интегрированной системой материальных ценностей, как правило, сохраняют свою прежнюю этико-религиозную позицию [Сорокин, 2012, с.177–178]. Условное выделение среди населения «святых» и «грешников», имея явные религиозные коннотации, тем не менее не сводится к ним. Идеи не только о влиянии преобладающих ценностей, но и степени их согласованности, воздействии на поведение человека в условиях катастроф имеют важное методологическое значение. Здесь Сорокин остается верен своему подходу, изложенному в «Социальной и культурной динамике».

Рассуждая о неодинаковом воздействии бедствий на социальные группы, социолог предлагает различать активную часть населения, состоящую из непосредственных участников катастрофы (например, жертв эпидемии), и пассивную часть (не затронутых эпидемией). Речь не идет о том, что кто-то может остаться в стороне, особенно в современном мире, скорее эпидемия различным образом влияет на включенных и невключенных. В то время как заболевшие страдают от социальной и психологической изоляции, «здоровая» часть населения оказывается занята лишь стремлением не заразиться. Эта идея становится доминирующей, и в случае ее конфликта с религиозными, моральными, юридическими и др. факторами реакции людей разделяются по принципу «святых» и «грешников».

Разнонаправленное и противоположное воздействие катастрофы оказывают на культурную, нравственную и религиозную сферы, а также на науку, технику и искусство. С одной стороны, бедствие разрушительно влияет на все сферы культуры, с другой – проявляет себя как стимулирующая и конструктивная сила, способствующая ее возрождению [Сорокин, 2012, с.125]. В случае научного знания катаклизмы, с одной стороны, «дезорганизуют работу и функционирование существующих научных и технических институтов и препятствуют их успешной работе» [Сорокин, 2012, с.187], с другой стороны, «они оказывают оживляющее и возрождающее влияние, особенно после того, как минует кризис» [Сорокин, 2012, с.187]. По мысли Сорокина, «бедствия продвигают научный и технический прогресс, открывая новые возможности для наблюдения и экспериментирования», они создают «неординарные ситуации, которые ломают привычные способы мышления и наблюдения» [Сорокин, 2012, с.189]. Не только ученые, но и обыватели оказываются в ситуации необходимости решения множества новых проблем. В периоды эпидемий главное внимание, безусловно, уделяется развитию медицины и общественной гигиене. Например, результатом борьбы с чумой явились изменения в городской архитектуре и планировании европейских городов (в частности, Лондона), наведение чистоты, возведение больниц, а при строительстве городов стали учитывать и гигиенические аспекты [Сорокин, 2012, с.193]. Совершенно очевидно также, что прогресс в медицинском знании и возникновение новых способов лечения также стимулируются эпидемиями. Таким образом, влияние бедствия никогда не бывает абсолютно положительным или абсолютно отрицательным, оно всегда имеет двойственный характер – «конструктивный и деструктивный, стимулирующий и ослабляющий» [Сорокин, 2012, с.201].

Вторая обнаруженная Сорокиным закономерность является, по мысли ученого, одной из самых фундаментальных закономерностей в сфере социальных и политических явлений и заключается в «расширении правительственного регулирования, распределения и контроля над социальными отношениями и сокращении регулирования и управления со стороны индивидов и частных групп» [Сорокин, 2012, с.97]. Социолог отмечает, что в ответ на бедствие происходит экспансия государственных институтов на области, ранее не подлежавшие наблюдению – сферу экономических интересов, включая права частной собственности, свободу передвижения и другие виды деятельности. В результате сокращается автономия индивидов и снижается роль демократических институтов. Подобную реакцию мы отчетливо наблюдаем и в ситуации с COVID-19: как в случае любой эпидемии, контроль государства усилился, прежде всего, в сфере здоровья – были введены, особенно в первую волну эпидемии, достаточно жесткие санитарные и карантинные меры, установлен запрет на определенные виды поведения – появление в публичных местах без индивидуальных средств защиты, несоблюдение социальной дистанции, и даже экономическая активность была приостановлена. Несоблюдение требований карается жесткими санкциями. На протяжении истории борьба с эпидемиями изобилует примерами подобного государственного вмешательства. Любопытно, что логика совладания с массовыми заболеваниями используется М. Фуко в качестве отправной точки в его рассуждениях о трансформации политической власти [Фуко, 1999]. Пользуясь его теоретическим аппаратом, можно сказать, что сегодня государство, будучи заинтересованным в здоровом населении как основном своем ресурсе, выступает непосредственным агентом биополитики, управляя вопросами жизни и смерти [Фуко, 2005]. Подобное усиление контроля не зависит от политической системы или характеристик политического лидера – оно происходит всегда, с неизбежностью «повышения температуры при гриппе или пневмонии», и является «орудием глубоко сокрытых сил» [Сорокин, 2012, с.98–99]. Лишь способ реализации такой экспансии (болезненный или нет) оказывается во власти руководящих лиц страны. Сорокин полагает, что после завершения катастрофы в силу вступает противоположная тенденция.

Сорокин не был бы собой, если бы последовательно и досконально не рассмотрел влияние бедствий на все стороны и аспекты индивидуальной человеческой жизни и социального порядка в целом. Социолог начинает свой анализ с обзора воздействия катастроф на мышление и эмоции отдельного человека и постепенно переходит на уровень социальной и культурной организации. По мысли ученого, масштабные эпидемии изменяют эмоциональную и аффективную жизнь больного и его близких. Однако эти изменения обусловлены, прежде всего, трансформациями в социальных отношениях между заболевшим и его социальным окружением, а именно – социальной изоляцией. Будучи прежде активным участником социальной жизни и коммуникаций, субъект превращается в объект, которого все избегают, он перестает быть частью общества [Сорокин, 2012, с.23]. Для характеристики подобного состояния Сорокин использует метафоры «социального вакуума» и даже «социальной смерти». Сегодня в наиболее уязвимом положении оказались пожилые, чья жизнь и так не насыщена социальными контактами – согласно опросам общественного

мнения, социальная исключенность оказывается основной жалобой в этой группе. В условиях COVID-19 ситуация только усугубляется.

Кроме того, поскольку карантинные мероприятия весной 2020 г. затронули всех, то, согласно логике Сорокина, это оказало значительное влияние на умственную и эмоциональную сферу фактически всего населения, а не только заболевших. В целом эмоциональная жизнь общества в период эпидемий оказывается неустойчивой, подверженной противоположным настроениям и резким изменениям – от надежды до отчаяния, от депрессии до радостного возбуждения [Сорокин, 2012, с.24]. Изменения в мыслительных процессах в периоды катастроф сводятся к тому, что «данное конкретное бедствие становится центральной темой сознания и подсознания» [Сорокин, 2012, с. 30]. Не только отдельный человек становится озабочен происходящим, но и массмедиа, научная литература, произведения искусства и т.д. наполняются этой темой, которая занимает все больше пространства и времени за счет всего остального. При этом, как правило, в публичном дискурсе акцент делается на отрицательных аспектах эпидемии и преобладает одностороннее изображение ситуации.

Сегодня данный процесс может быть охарактеризован как моральная паника. Так, по данным Интерфакса [Каждая третья новость...], по состоянию на 20.03.2020 упоминание темы COVID-19 в российских СМИ превышало 114 тыс. раз в сутки в течение недели замеров, соответственно, каждая третья публикация была посвящена данной проблематике. Согласно результатам опроса ВЦИОМ [И снова о коронавирусе...], на 19.03.2020 99% россиян знали о коронавирусе, а 59% были уверены, что эта болезнь опасней, чем сезонный грипп [Россияне опасаются коронавируса...]. Такая ситуация сопровождается «увеличивающейся неспособностью сконцентрироваться на объектах, не связанных с бедствием», проявляется в усилении зависимости мышления от случайных внешних влияний; в уменьшении автономии и саморегулирования мыслей и возрастании их зависимости от внешних стимулов; в проявлении разного рода психических заболеваний [Сорокин, 2012, с.34]. В целом катаклизмы способствуют росту умственной путаницы и дезорганизации, а все желания и воля человека оказываются направлены в сторону ослабления бедствия и причиняемых им страданий.

В условиях бедствий постепенный, упорядоченный и добровольный характер миграций и мобильности, свойственный нормальной ситуации, становится внезапным, принудительным и хаотичным. Это оказывается справедливым как для горизонтальной, так и для вертикальной мобильности. В этом случае миграция и мобильность разрушают существующую сеть социальных отношений и делают социальную структуру текучей и «протоплазменной» [Сорокин, 2012, с.86]. В случае эпидемии население, если не лишается возможности перемещаться, устремляется из городов в сельскую местность – в районы, менее подверженные распространению заболевания. Кроме того, все катастрофы усиливают восходящую и нисходящую социальную мобильность, в результате чего происходят разрыв социальных связей и разрушение социальных институтов. «Бедствие обрушивается на них, как взорвавшаяся бомба, и разрушает или даже уничтожает их единство, разбрасывая их членов в разные стороны и нарушая их функции» [Сорокин, 2012, с.95]. Прежние социальные отноше-

ния и связи ослаблены или уничтожены, а новые еще не установились, т.е. общество погружается в состояние аномии. Сорокин говорит о семье, школе, церкви, политической партии и др. Поведение человека становится все менее предсказуемым, не регулируется четкой системой норм и все более зависит от внешних обстоятельств. В то же время, как ни парадоксально, такая неопределенность «создает благоприятные условия для быстрого преобразования социальных институтов – для создания принципиально иных социальных форм» [Сорокин, 2012, с.95]. Таким образом, бедствия являются одним из самых мощных и радикальных факторов социокультурных изменений.

Размышляет Сорокин и о социальном неравенстве в периоды катаклизмов. По мнению ученого, здесь можно выделить три основных аспекта: 1) снижение благосостояния большей части населения; 2) уменьшение экономического контраста между бедными и богатыми; 3) резкое перераспределение богатства как между людьми, так и между группами [Сорокин, 2012, с.114]. Любопытны рассуждения социолога о влиянии бедствий, в частности эпидемий, на смертность, рождаемость, брачную статистику и социальный отбор. Оставаясь верным себе, и здесь Сорокин предостерегает от желания концентрировать внимание лишь на отрицательных последствиях. По его мнению, воздействие катастроф на эти жизненные процессы также противоречиво и негативные аспекты компенсируются позитивными. Тем более удивителен тезис ученого о положительном социальном отборе, производимом эпидемиями.

В целом труд П.А. Сорокина производит удивительно современное впечатление. Создается стойкое ощущение, что ученый описывает сегодняшний день. Многие наблюдения социолога в отношении эпидемий актуальны как никогда. Несмотря на то, что социолог выносит неутешительный вердикт современности, говоря о кризисе в целом, и предостерегает от рисков тоталитаризма и уменьшения влияния гражданских свобод, вывод, который он формулирует, вселяет определенный оптимизм. По мысли ученого, бедствия не являются «исключительно злом: наряду с разрушительными и пагубными функциями, они играют и конструктивную положительную роль в истории культуры и творческой деятельности людей» [Сорокин, 2012, с.14]. В этом смысле катастрофы – великие воспитатели человечества [Сорокин, 2012, с.14], в них ученый видит не только угрозу и разрушительную силу, но и источник социокультурных изменений. После того, как бедствие проходит, общество восстанавливает свое равновесие, институты и систему социальных отношений, однако, оно уже никогда не будет прежним. Каков будет мир после COVID-19? Вот в чем вопрос.

Литература

- И снова о коронавирусе: что думают россияне? [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10205>]
 Каждая третья новость в российских СМИ рассказывает о коронавирусе. [<https://www.interfax.ru/russia/700150>]
 Россияне опасаются коронавируса и ищут пути защиты от него. [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10173>]
 Сапов В.В. «Четыре монстра» Питирима Сорокина // *Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь*. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2012. – С.5–9.

Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2012. – 336 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. – 312 с.

References

- I snova o koronaviruse: chto dumayut rossiyanе?* [And again about coronavirus: what do Russians think?] [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10205>]
- Kazhdaya tret'ya novost' v rossijskih SMI rasskazyvaet o koronaviruse* [Every third news in the Russian media tells about coronavirus] [<https://www.interfax.ru/russia/700150>]
- Rossiyanе opasayutsya koronavirusa i ishchut puti zashchity ot nego* [Russians are afraid of coronavirus and seek precautions against it] [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10173>]
- Sapov V.V. «Chetyre monstra» Pitirima Sorokina [«Four Monsters» by Pitirim Sorokin] // *Sorokin P.A. Chelovek i obshchestvo v usloviyah bedstvij. Vliyanie vojny, revolyucii, goloda, epidemii na intellekt i povedenie cheloveka, social'nyu organizaciyu i kul'turnuyu zhizn'* [Man and Society in Calamity: the effects of war, revolution, famine pestilence upon human mind, behavior, social organization and cultural life]. St. Petersburg: Publ. House «Mir», 2012. – Pp.5-9.
- Sorokin P.A. *Chelovek i obshchestvo v usloviyah bedstvij. Vliyanie vojny, revolyucii, goloda, epidemii na intellekt i povedenie cheloveka, social'nyu organizaciyu i kul'turnuyu zhizn'* [Man and Society in Calamity: the effects of war, revolution, famine pestilence upon human mind, behavior, social organization and cultural life]. St. Petersburg: Publ. House «Mir», 2012. – 336 p.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Supervise and punish. The birth of a prison]. M.: Ad Marginem, 1999. – 480 p.
- Foucault M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [It is necessary to protect society: A course of lectures given at the College de France in the 1975–1976 academic year]. St. Petersburg: Science, 2005. – 312 p.